

Сюаньсюань с самого рождения отличался от обычных детей, его послушание даже вызывало легкую жалость.

Ци Шань взял телефон и сделал снимок Сюаньсюана, склонившегося над столом за домашним заданием, после чего отправил фото доктору Цзи.

[Погода стала холоднее, но он всё равно отказывается одеваться теплее. Доктор, это нормально?]

Доктор Цзи ещё не ответил, как сидящий рядом дедушка указал на его телефон и заговорил:

— Ты, дай мне посмотреть своё зеркало.

— Это? — Ци Шань усмехнулся, покачивая телефоном.

— Да, дай посмотреть.

— Вот. — Ци Шань протянул телефон.

— Сегодня Сюаньсюань упрямо отбирал у меня зеркало твоего второго дяди, — дедушка превратился в жалобщика. — Что я хочу посмотреть, мне не дают. На что же мне тогда смотреть?

Дедушка взял телефон в руки, переворачивая его то одной, то другой стороной:

— А где я? Выведи меня скорее.

Ци Шань одной рукой нажал на переключение на фронтальную камеру, и на экране появилось лицо дедушки.

— Это дедушка, правда? — Дедушка указал на свой нос, глядя на Ци Шаня. — Дедушка.

Ци Шань кивнул, придвинувшись ближе, и посмотрел на их лица на экране:

— И я, и Сюаньсюань.

— И я, и Сюаньсюань. — Дедушка повторил.

Ци Шань покачал головой, указав большим пальцем на себя:

— Ци Шань.

Затем указал на Сюаньсюана:

— Ци Сюань.

Дедушка провёл рукой по лицу:

— Я с вами не говорю на одном языке.

Ци Шань рассмеялся, кивнув:

— Мы из разных стран.

— Вы иностранцы. — Дедушка сказал уверенно.

— Савади ка, шао ка. — Ци Шань поднялся с табуретки и направился в ванную, специально не закрыв плотно шторы, чтобы видеть Сюаньсюана, который делал уроки под хурмовым деревом.

На следующий день, когда они отправились в школу, температура упала на десяток градусов.

Осенний зной наступил внезапно, и Ци Шань сразу же достал пальто и надел его. Он также одел Сюаньсюана в свитер и надел на него шапку.

С тех пор, как они побывали в больнице, он подстриг Сюаньсюана наголо.

Лысая голова — это удобно, экономит шампунь, и если бы не школьные правила, запрещающие брить голову, он бы и сам стал «лампочкой».

Перед выходом дедушка проснулся, вероятно, из-за громкого звука мотоцикла.

Дедушка, потирая глаза, подошёл к двери и, держась за косяк, сказал:

— Дашань, поезжай осторожно.

Ци Шань кивнул, указав на комнату, чтобы дедушка вернулся спать.

— Дашань, ты не торопись. Не гоняй с другими, у меня только ты один внук.

Едва он это сказал, как Сюаньсюань в его объятиях замер, слегка ошарашенный.

Ци Шань кивнул:

— Дедушка, идите спать, на улице холодно.

Холодным утром вставать было особенно тяжело. Шэнь Чжоу, крича себе команды, всё же опоздал.

Когда он на мотоцикле подъехал к дому Чжуан Линя, чтобы позвать его, тот чистил зубы, выглядывая с балкона и размахивая рукой, разбрызгивая пену.

Шэнь Чжоу купил блинчик у ларька у дома, ел его, потирая глаза, и растянул свои узкие глазки до широкого разреза.

— Сегодня ты особенно очарователен, — сказал Чжуан Линь, спускаясь вниз и поправляя рюкзак.

— Ну конечно, — Шэнь Чжоу поправил джинсовую куртку, на спине которой была вышита красная роза, выглядывающая весьма вызывающе. — К северу от Циньлина Шэнь Чжоу — самый красивый.

— Красивый, красивый, красивый, у тебя даже жопа с двойными веками, — Чжуан Линь запрыгнул на мотоцикл. — Я профессиональный фанат Шэнь Чжоу, кто посмеет сказать, что ты не красавчик, я его убью.

— Хватит уже, — Шэнь Чжоу нажал на сцепление, завёл мотоцикл и исчез в переулке.

У ворот школы они всё же опоздали, чуть не попав в список нарушителей, но спаслись благодаря своей скорости.

Сев в классе, Шэнь Чжоу сразу же заснул.

Чтение других учеников не мешало его сну, и перед концом урока подошёл староста собирать домашние задания.

Шэнь Чжоу встал, взъерошил волосы и, глядя на старосту своими персиковыми глазами, улыбнулся:

— Забыл сделать, можешь помочь?

Староста колебался, а Шэнь Чжоу достал из кармана горсть конфет и положил на стол:

— Ну как?

Конфетная атака сработала, и староста, покраснев, положил конфеты в карман и тихо сказал:

— Больше не повторяй.

Шэнь Чжоу потянулся и услышал низкий голос впереди:

— Ну ты даёшь.

Шэнь Чжоу бросил взгляд на Ци Шаня, который притворялся спящим, и фыркнул. У него не один метод, а целых восемьдесят один, один за другим, как русская матрёшка.

— Просто уговариваю девочек, говорю мягче, смотрю ласковее, — Шэнь Чжоу поправил чёлку и вышел, но затем вернулся, спросив Ци Шаня. — Вчера тебя не остановили?

— Кто посмеет остановить меня? — Ци Шань выпрямился за столом, достал из кармана мятную конфету и положил в рот.

— Ну конечно, ты же главарь Шестой средней школы, Ци Папа, — Шэнь Чжоу подражал Чжуан Линю, говоря с издевкой. — Я твой фанат-прилипала.

— Отвали, — Ци Шань засунул руки в карманы и вышел на балкон.

Шэнь Чжоу последовал за ним, облокотившись на перила и лениво глядя на Ци Шаня:

— Ци Папа, ты не думал участвовать в мотоциклетном чемпионате в этом году?

Утренний свет падал на его плечи, а его чёрные глаза, словно черный агат, были полны таинственности.

Ци Шань вдруг вспомнил вчерашнего парня, игравшего на барабанах на площади, и, глядя на него, сказал:

— Нет.

— Почему? — Шэнь Чжоу постукивал по перилам, выглядя недоумевающим.

Он не понимал, почему в Цзиньчэне может быть кто-то, кто не любит мотоциклы. Здесь все, от мала до велика, были помешаны на этом.

— Нет причин. Это как с курицей — не хочу, и всё.

Шэнь Чжоу не нашёл, что ответить, похлопал его по плечу и направился в класс.

Чемпионат по мотоциклам приближался, и Шэнь Чжоу решил каждую ночь кататься по скоростной трассе.

Его друзья часто гоняли на национальном шоссе S108, и он решил сегодня прогулять вечерние занятия, чтобы присоединиться к ним.

Только выйдя из школы, он на мотоцикле помчался домой за экипировкой.

У дверей он увидел ребёнка, сидящего на ступеньках. В такой холод он был в футболке, подперев подбородок руками.

Этот ребёнок он часто видел в последнее время, не зная, чей он. Раньше тот раздавал листовки у его дома, и выглядел он очень мило. Поэтому Шэнь Чжоу любил подшучивать над ним.

Шэнь Чжоу остановил мотоцикл и подошёл к ребёнку.

Сегодня на нём была шапка с тигром, большие глаза, длинные ресницы, щёки, как у пельменя. Когда он посмотрел на Шэнь Чжоу, его глаза забегали туда-сюда.

Просто очаровательно.

— Эй, зачем ты сидишь у моего дома? Кто разрешил? — Шэнь Чжоу сел рядом, повернувшись к нему.

Как только он сел, ребёнок отодвинулся. Под ним была листовка, которую он смял, отодвигаясь.

Шэнь Чжоу пододвинулся к нему.

Ребёнок снова отодвинулся, стараясь держать дистанцию.

В конце концов, Шэнь Чжоу чуть не сдвинул его с места, и тот, полувися в воздухе, выглядел неловко.

— Иди сюда, — Шэнь Чжоу поманил его. — Я покажу тебе превращение.

Шапка с тигром мигнула, глядя на него:

— Ну покажи.

Шэнь Чжоу поднял руку, сделав странный жест:

— Небо и земля, горы и реки, путь бесконечен. Небо и земля безграничны, законы мироздания. Утка-мандаринка входит в тело, пять ядов не страшны. Тело чистое, как золото, искусство превращения. Превращайся!

Сказав это, он снял куртку и накинул её на шапку с тигром, смеясь:

— Ха-ха, куртка пропала!

Ребёнок неподвижно смотрел на него:

— Дурак.

— Малыш, нельзя ругаться, — Шэнь Чжоу нахмурился, чувствуя, что детей становится всё труднее удивлять.

— Смотри ещё раз, — Шэнь Чжоу серьёзно нахмурился. — Гунала, богиня тьмы, гутала, бла-бла-бла, маленькая волшебница, превращайся! Превращайся! Превращайся!

Сказав это, он снял шапку и надел её на себя:

— Превратился в шапку.

Шапка исчезла, и ребёнок остался с лысой головой.

Он потрогал свою голову, ошарашенно глядя на Шэнь Чжоу.

<http://bllate.org/book/16828/1547428>